

А.А. Исаев

**Лев Толстой среди
мудрецов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Исаев**
Лев Толстой среди мудрецов / А.А. Исаев – М.: Книга по Требованию, 2026. –
102 с.

ISBN 978-5-458-54513-6

ISBN 978-5-458-54513-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Читатель не ошибется, если сдѣлаетъ *Кругъ Чтенія* Толстого своею настольной книгой.

Удручаетъ количество печатной бумаги, которая поступаетъ въ обиходъ, такъ называемыхъ, образованныхъ людей. Газеты, на ряду съ немногими сотнями строкъ, дающихъ то, что важно и нужно, преподносятъ рассказы, фельетоны, критическія замѣтки, слухи, сплетни. Этотъ матеріалъ посредственнаго, нерѣдко и очень низкаго, достоинства отрываетъ много времени отъ нашей краткой жизни; большую частію, онъ словно предназначенъ для того, чтобы портить литературный вкусъ читателя. Журналы даютъ единичныя цѣнныя статьи и художественныя произведенія. А затѣмъ—воспоминанія людей, которые, большею частію, рассказываютъ—иногда занимательно, чаще прескучно—о совершенныхъ пустякахъ, шаблонныя обзорѣнія внутренней, провинціальной, иностранной жизни, повѣсти, украденныя изъ литературы, мало знакомой читателямъ, комедіи, гдѣ въ миллионъ первый разъ изображаютъ измѣны жены мужу и мужа женѣ, очерки по внѣшней политикѣ, которыми авторъ, перелиставъ 2—3 книжки, развязно рѣшаетъ вопросы англо-германскій, ближневосточный, монголо-китайскій... Многочисленныя политическія брошюры заклинаятъ обывателей вѣрить партіи А и отворачиваться отъ партіи Б; онѣ ста-

раются убѣдить, что побѣда партіи В обезпечить рѣшеніе почти всѣхъ общественныхъ вопросовъ, а въ случаѣ торжества партіи Г наступитъ едва ли не райское состояніе... И, въ довершеніе всего, широкій потокъ порнографіи.

Читатель утопаетъ въ этомъ морѣ бумаги. И, вотъ, между огромными кучами сора, ему предлагаютъ три томика самаго высокаго достоинства.

Въ среднемъ то, что печать преподноситъ изодня въ день, сѣро, безцвѣтно, часто—пошло и нелѣпо. А со страницъ *Круга Чтенія* говорятъ мыслители и художники, сохраняющіе свою жизненную силу въ долготу временъ. Говорятъ не только тѣ, кто еще не ушелъ или недавно ушелъ въ вѣчность, но и многіе, давно, даже очень давно украшавшіе человѣчество. Они, въ значительной степени, забыты,—не потому, чтобы слѣдовало забыть ихъ, а лишь потому, что средній, такъ называемый, образованный человѣкъ, какъ расторопный портной, гонится, прежде всего, за послѣднею модой.

Въ *Кругъ Чтенія* матеріалъ расположенъ такъ, какъ распределяютъ его въ календаряхъ. На каждый изъ 365 дней отведены 1—2—3 страницы съ изреченіями разныхъ писателей. А къ воскресеньямъ приурочены рассказы и очерки,—одинъ довольно большой, или два краткихъ.

Самому Толстому принадлежитъ значительная часть содержанія сборника: 15 болѣе или менѣе крупныхъ, рассказовъ и очерковъ и большинство изъ 1477 неподписанныхъ афоризмовъ. Извлекая довольно много изъ своихъ прежнихъ произведеній и создавая непосредственно для *Круга Чтенія*, Толстой обильно черпалъ и изъ міровой литературы. Среди писателей,

которые дали рассказы и очерки, отнесенные къ недѣльнымъ чтеніямъ, мы встрѣчаемъ Достоевскаго, Тургенева, Герцена, Лѣскова, Гюго, Мопассана, Франса и другихъ. А мысли, распределенныя на всѣ дни года, принадлежать самымъ разнообразнымъ источникамъ. Ветхій и Новый Завѣтъ, Отцы Церкви, особенно Іоаннъ Златоустъ, мудрость Востока—Браминская, Буддійская, Еврейская и Китайская,—поговорки разныхъ народовъ дали Толстому богатый матеріалъ. Изъ древнихъ мудрецовъ онъ всего чаще приводитъ изреченія Лао-Тсе, Конфуція, Марка Аврелія, Эпиктета. Среди мыслителей новаго времени особенно привлекаютъ его Паскаль, Кантъ, Шопенгауеръ. Наконецъ, выдающіяся мѣста въ сборникѣ занимаютъ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ: Амшель, Эмерсонъ, Рёскинъ, Малори.

При выполненіи столь важнаго и обширнаго труда, нельзя избѣгнуть существенныхъ недостатковъ, съ какою любовью и съ какимъ знаніемъ дѣла ни производилась бы работа. Внимательный читатель найдетъ разные недочеты и въ *Кругъ Чтенія*. Онъ скажетъ, что извлечено меньше, чѣмъ слѣдовало бы, изъ нѣкоторыхъ крупныхъ, даже великихъ писателей и слишкомъ много изъ другихъ, гораздо менѣе выдающихся. Онъ найдетъ, что по разнымъ вопросамъ, на ряду съ изреченіями высокаго достоинства, которые у многихъ навсегда запечатлѣваются въ памяти, есть положенія безцвѣтныя: лучше было бы опустить ихъ. Наконецъ, онъ скажетъ, что Толстой совсѣмъ не пользовался нѣкоторыми важными источниками.

Достоинства этого сборника такъ велики, что я не буду останавливаться на отмѣченныхъ слабыхъ

сторонахъ. Коснусь только послѣдняго пробѣла: мы не находимъ изреченій нѣкоторыхъ писателей. Пропущенъ Ларошфуко. Это бросается въ глаза, какъ потому, что афоризмы Ларошфуко занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мировой афористической литературѣ, такъ и потому, что, пользуясь нерѣдко Лабрюйеромъ, Толстой стоялъ къ Ларошфуко очень близко и, конечно, хорошо зналъ его. Пробѣлы можно было бы объяснить безъ труда, если припомнить о рѣзкомъ различіи, даже противоположности, между Толстымъ и Ларошфуко. Великій французскій афористъ отлично знаетъ людей: его изреченія даютъ намъ ихъ во всей ихъ реальности. Онъ не старается разукрасить ихъ; онъ не читаетъ имъ нравоученій; онъ не стремится исправлять ихъ: а потому они и выступаютъ передъ нами во всей своей неприглядной дѣйствительности. Отшельникъ Ясной Поляны знаетъ людей; но, во вторую половину своей писательской дѣятельности, тѣмъ болѣе, къ концу жизни, онъ хочетъ видѣть человека тѣмъ, чѣмъ, по мнѣнію Толстого, онъ долженъ быть. Этотъ образъ мыслей кладетъ свою печать на творчество Толстого и въ *Кругъ Чтенія*. Творчество сводится не къ изображенію людей, какъ ихъ даетъ дѣйствительность, а къ тому, чтобы очистить живого человека, смягчить его порочныя наклонности, изукрасить свѣтлыя стороны его души, внушить ему любовь къ добру, научить воспріятію того, что можетъ приблизить насъ къ желанному типу. Ларошфуко, со своей строго предметной оцѣнкой людей, съ отсутствіемъ даже намека на желаніе отыскивать въ черномъ бѣлое, съ невозмутимымъ спокойствіемъ эпикурейца, долженъ былъ быть непріятенъ Толстому. Вѣроятно, изъ одно-

родныхъ побужденій, послѣдній не извлекалъ ничего или очень мало изъ сочиненій и другихъ великихъ реалистовъ — Аристотеля, Шекспира, Гёте. Можетъ быть, въ силу той же причины, у Ницше были взяты только два изреченія ¹⁾).

Мысли, собранныя въ *Кругъ Чтенія*, касаются многихъ вопросовъ. Одни изъ нихъ затрогиваютъ тѣ явленія, которыя принято считать болѣе или менѣе простыми, доступными пониманію огромнаго числа людей. Таковы, напримѣръ, вопросы о богатствѣ, трудѣ, вегетаріанствѣ, болѣзни, бракѣ, наказаніи, отечествѣ. Другіе представляются уже болѣе сложными, занимающими менѣе широкій кругъ; сюда относятся вопросы о законѣ, знаніи и наукѣ, искусствѣ, идеалѣ, свободѣ, словахъ и дѣлахъ, объ устройствѣ жизни и т. д. Наконецъ, есть вопросы въ высшей степени трудные; дабы слышать о нихъ вѣское слово, нужно обращаться только къ очень тѣсному кругу: о вѣрѣ, о Богѣ, безсмертіи, божественной природѣ души, о совѣсти, о сліяніи своей воли съ волею Бога и т. п.

Въ этомъ изданіи Толстой выступаетъ передъ нами художникомъ и мыслителемъ. И здѣсь, какъ въ другихъ своихъ твореніяхъ, онъ является великимъ художникомъ. Нѣкоторые изъ его рассказовъ таковы, что, прочитавъ ихъ, хочется читать снова и снова. «Корней Васильевъ», «Неужели такъ надо?», «За что?», «Божеское и человѣческое» навсегда запечатлѣваются въ памяти читателя. Конечно, они далеко превосходятъ рассказы большинства другихъ писателей, помѣщенные среди недѣльныхъ чтеній этого сборника.

Но нельзя дать такую же оцѣнку изреченіямъ, которыя исходятъ отъ Толстого, какъ мыслителя.

Внѣшняя сторона афоризма имѣетъ огромное значеніе. Если на протяженіи повѣсти, въ нѣсколько десятковъ страницъ, авторъ тамъ и сямъ грѣшитъ неправильностями слога, если его изложеніе мѣстами слишкомъ пространно, неуклюже, мысль выражена неточно, то еще нѣтъ основанія называть его дурнымъ стилистомъ: эти недочеты легко могутъ быть искуплены и съ избыткомъ возмѣщены красотами языка въ другихъ мѣстахъ того же произведенія. Но каждый афоризмъ образуетъ самостоятельное и законченное цѣлое. Если онъ содержитъ цѣнную мысль, то предназначенъ для того, чтобы навсегда залечь въ памяти читателей, обогатить ее положеніемъ, которое можетъ быть полезно и нужно въ разныхъ случаяхъ,—и при научныхъ изысканіяхъ, и даже при чисто практической дѣятельности. Память, съ признательностью, воспринимаетъ и хранитъ изреченіе, если оно кратко, если мысль выражена сжато, точно и ясно. И, наоборотъ, память отвергаетъ все то, что, быть можетъ, важно по содержанію, но не отвѣчаетъ на требованія, справедливо предъявляемыя внѣшней стороной афоризма. Разъ изреченіе грѣшитъ хотя бы малѣйшею неточностью, разъ оно не можетъ быть признано безукоризненно яснымъ, разъ оно содержитъ даже только одно лишнее слово, оно уже не заслуживаетъ безоговорочнаго одобренія. Не будетъ шуткою утвержденіе, что афоризмъ изъ 10 словъ лучше, чѣмъ изъ 20, и бесконечно лучше, чѣмъ изреченіе, которое содержитъ 50 словъ.

Толстой, большею частію, не удовлетворяетъ этихъ требованій. «Мысли безъ подписи или взяты мною

изъ сборниковъ, въ которыхъ не обозначенъ ихъ авторъ, или принадлежать мнѣ»—вотъ, что читаемъ въ Предисловіи къ I тому. Эти слова могутъ дать поводъ къ существеннымъ недоразумѣніямъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, выдѣлить изъ 1477 положеній тѣ, которыя принадлежатъ Толстому, а не взяты имъ изъ сборниковъ безъ подписи авторовъ? Мысли, которыя не взяты имъ изъ прежнихъ трудовъ, а составлены для *Круга Чтенія* или заимствованы изъ сборниковъ, выдвигаютъ передъ изслѣдователемъ существенныя затрудненія. Многія положенія, не имѣющія подписи, построены такъ (и именно самыя краткія), что принадлежность ихъ не Толстому, а какому-нибудь другому мыслителю, является въ высшей степени вѣроятной. Но, не имѣя подъ руками источника, который устранилъ бы недоразумѣнія, считаешь себя вынужденнымъ предположить, что огромное большинство изреченій безъ подписи вышли изъ пера Толстого.

Въ этомъ огромномъ собраніи неподписанныхъ изреченій есть превосходные афоризмы. Но это—исключенія; большая часть такова, что, съ внѣшней стороны, уступаетъ, и даже очень уступаетъ, разсужденіямъ другихъ, нерѣдко и не первоклассныхъ мыслителей.

Обращаясь отъ формы изреченій къ ихъ содержанию, внимательный читатель часто сдѣлаетъ выводъ также не въ пользу Толстого. Оцѣнка изреченій съ точки зрѣнія мыслей, которыя въ нихъ вложены, требуетъ особенной осторожности. Не трудно отмѣтить недостатокъ афоризма, если мысль выражена не вполне ясно, не довольно точно и сжато. Но не легко подвергнуть оцѣнкѣ самую мысль въ тѣхъ

случаяхъ, когда она направляется на очень сложные вопросы. Споры о такихъ предметахъ, какъ Богъ, божественная природа людей, безсмертіе, могутъ быть сплошь и рядомъ совсѣмъ неумѣстны. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о предметѣ, по которому легче достигнуть единомыслія, позволительно вступить въ споръ; но не слѣдуетъ забывать о міровоззрѣніи Толстого. Въ немъ много своеобразнаго: а потому мысли, которыя кажутся странными, невѣрными, иной разъ, необходимо вытекаютъ изъ его міросозерцанія. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ объ *устройствѣ жизни*. Оспариваніе его мыслей по этому предмету съ точки зрѣнія, на которой стоятъ средній человѣкъ нашего времени или даже многіе сильные и самобытные умы, не представляетъ существенныхъ трудностей, но безцѣльно: будутъ правы обѣ стороны.—и Толстой и тѣ, кто отрицаетъ его положенія. Возраженіе будетъ имѣть вѣсъ лишь въ томъ случаѣ, когда доказано, что изреченія Толстого по вопросу объ устройствѣ жизни не соответствуютъ его основнымъ взглядамъ или же,—что природа человѣка не можетъ измѣниться въ направленіи, которое привлекало бы людей къ строю жизни, согласованному съ завѣтами нашего великаго романиста.

Но, даже внося въ оцѣнку изреченій Толстого величайшую обдуманность и осторожность, мы находимъ его афоризмы, по содержанію, значительно, а часто, и гораздо ниже мыслей другихъ писателей, которымъ отведено мѣсто въ *Кругѣ Чтенія*.—Мы будемъ затрогивать, при нашихъ сравненіяхъ, вопросы наиболѣе простые, доступные пониманію многихъ, а также тѣ, которые касаются сложныхъ явленій жизни человѣка.

I.

Прислушаемся къ тому, что Толстой говорить о *добрь* и *добротъ* ²⁾).

„1) Платить добромъ за зло естественнѣе и легче и разумнѣе, чѣмъ платить зломъ за зло. 2) Отвѣчай добромъ на зло, и ты уничтожишь въ зломъ человѣкъ все удовольствіе, которое онъ получаетъ отъ зла. 3) Чѣмъ больше человѣкъ даетъ людямъ и меньше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ лучше; чѣмъ меньше даетъ другимъ и больше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ хуже. 4) Если доброе дѣло имѣетъ побудительную причину, оно уже не добро; если оно имѣетъ послѣдствіе награду, оно тоже не добро. Добро внѣ цѣпи причинъ и слѣдствій. 5) Не будьте жестокосерды къ тому, кто подвергается искушенію, но старайтесь утѣшить его такъ, какъ бы вы сами желали быть утѣшены. 6) Доброта украшаетъ жизнь, разрѣшая всѣ противорѣчія, запутанное дѣлаетъ яснымъ, трудное — легкимъ, мрачное — радостнымъ. 7) Нѣтъ ничего хуже притворства доброты. Притворство доброты отталкиваетъ больше, чѣмъ откровенная злоба. 8) Если, дѣлая дѣло, которое считаешь добрымъ, испытываешь страданіе враждебности или заставляешь другихъ испытывать враждебность къ себѣ, тотчасъ остановись: значить, ты не умѣешь еще дѣлать то дѣло, за которое взялся. Больно физически или духовно, враждебно, — остановись дѣлать и, съ одной стороны,

учись дѣлать безъ боли, съ другой—устрани то. отъ чего больно. 9) Доброта основное свойство души. Если человѣкъ не добръ, то онъ подвергнется какому-нибудь обману, соблазну, страсти, которые нарушили это его естественное свойство“.

Первое положеніе вполне примѣнимо къ людямъ, которые имѣютъ большую склонность къ добру. Можно согласиться, что и для каждого болѣе разумно платить за зло добромъ, нежели зломъ. Но нельзя доказать, чтобы для всѣхъ такой образъ дѣйствій былъ болѣе естественъ и легокъ: напротивъ, если человѣкъ не одаренъ выдающимся, исключительнымъ добродушіемъ, то болѣе согласно съ его природными наклонностями, а потому и болѣе легко, платить зломъ за зло. Если бы не было трудно платить добромъ за зло, то мы наблюдали бы это гораздо чаще, нежели имѣемъ случай наблюдать. Такое поведеніе, — поскольку оно не вызывается соображеніями о томъ, что выгодно проявить добродушіе, — составляетъ большую рѣдкость. Оно столь исключительно, что мы готовы осыпать похвалами даже тѣхъ, кто спокойно переноситъ причиненное ему зло, воздерживается отъ мести.

Жизнь часто не оправдываетъ второго положенія. Разбойники останавливаютъ желѣзнодорожный поѣздъ, врываются въ вагоны и кричатъ: «руки вверх!» . Путешественники не сопротивляются, покорно выворачиваютъ свои карманы и отдаютъ насильникамъ все, что имъ нравится. Конечно, эта уступчивость, т. е. отвѣтъ добромъ на зло, не умаляетъ удовольствія грабителей, не уменьшаетъ количества вина, которое они выпьютъ, и не отнимаетъ у нихъ охоты сдѣлать то же самое при первомъ удобномъ случаѣ.